

В. И. Повилайтис

ПРИНЦИПЫ КЛАССИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ П. Н. МИЛЮКОВА В ЭМИГРАЦИИ

Рассматриваются идеи русского мыслителя П. М. Милюкова в контексте философии русского зарубежья. Анализируются проблемы философских оснований истории и исторической науки.

This article is dedicated to P. N. Milyukov's philosophy of history. The ideas of the Russian thinker are analysed in the context of Russian philosophy abroad. The author considers the problems of philosophical bases of history and historical science.

Ключевые слова: история, культура, познание, методология, русское зарубежье.

Key words: history, culture, cognition, methodology, Russian science abroad.

С именем Павла Николаевича Милюкова (1859—1943) связана целая эпоха в развитии русской исторической науки. Без его «Очерков по истории русской культуры» научную и общественную жизнь конца XIX — начала XX в. представить невозможно. Это исследование действительно уникально: впервые увидев свет в 1895—1896 гг., оно неоднократно переиздавалось. Более того, к юбилейному переизданию «Очерков», начатому в 1930 г., автор значительно переработал свое сочинение, что позволяет рассматривать его в контексте развития исторической и философской мысли русского зарубежья¹.

Конечно, Милюков не пересматривал собственных идей кардинально, но в то же время не оставался и в прошлом — отстаивая свои принципы, он полемизирует с теми, кто пытался составить ему идейную и научную конкуренцию. Защищая либеральные ценности в политической жизни и идеи позитивизма — в научной, Милюков отражает влиятельнейшее умонастроение в эмиграции, игнорировать которое нельзя².

Утверждением, определившим особенности методологии исторического исследования у Милюкова, стал тезис, согласно которому «понятия закономерности и эволюции должны быть распространены из области естественных наук в область наук гуманитарных» [4, т. 1, с. 40]. Он был не согласен с последствиями предлагаемого неокантианцами противопоставления наук о духе и наук о природе и продолжал видеть свою задачу в создании универсального и планомерного способа объяснения истории, для которого характерно убеждение, что подлинная историческая наука занимается только постижением *общего* — повествовательной истории (подбору и описанию фактов) в этой схеме уготовлена подготовительная роль. Такой социологизм (а для большинства современников Милюков в первую очередь виднейший представитель социологического направления русской историографии [6, с. 68]) приводит ученого к признанию «возможности закономерного объяснения даже и того, что придает его рассказу индивидуальный характер» [4, т. 1, с. 41]. Это значит, что понятия личности, духа, свободы не являются для русского историка последними основаниями.

Следствием этих установок становится утверждение, согласно которому «научный синтез в социологии снимает противоположение духовного и материального начала» [4, т. 1, с. 42] — это

¹ Именно этой непрекращающейся работой над текстом объясняется и тот странный порядок, в котором «Очерки» переиздавались. Так, сначала увидели свет части, изменения в которых были наименьшими: третий том вышел в 1930 г., второй — в 1931-м. И лишь после этого началась публикация первого тома, который подвергся самым значительным изменениям: его первая часть вышла из печати в 1937 г., а вторая (работа над которой была закончена уже к 1941 г.) — и вовсе увидела свет в 1964 г., уже после смерти автора. Работа ученым была выполнена огромная, и она заслужила самых высоких оценок. Так, к примеру, пишет об этом Вернадский: «В 1930-х годах — когда он (Милюков. — В.П.) заново писал 1-й том "Очерков" — он, видимо, вернулся к науке всей душой... Так или иначе на закате своей жизни Павел Николаевич пережил как бы вторую молодость своего научного дворянства» [2, с. 255].
И. Канта. 2010. Вып. 6. С. 16 — 23.

² Не будем забывать, что на протяжении двадцати лет Милюков стоял во главе «Последних новостей» — самой влиятельной эмигрантской газеты, полноценную конкуренцию которой по тиражам не смогло составить даже «Возрождение» Струве и «Дни» Керенского. О других эмигрантских изданиях даже нечего и говорить.

своеобразный вызов марксизму, на что современники обращали особое внимание³. Однако подобную оценку Милоковым собственного метода можно принять лишь с учетом иной, недиалектической трактовки *снятия*⁴. В рамках диалектики *снятие противоположностей* предполагает их отрицание и синтез, но ничего подобного у Милокова нет: для него *все* подчинено законам, и «в области процессов духа господствует такой же детерминизм, как и в области процессов материальных».

Единственное отступление, которое он декларирует, заключается в том, что «между двумя упомянутыми сторонами явлений не следует пытаться устанавливать непосредственную причинную зависимость или сводить одно начало к другому» [4, т. 1, с. 42]. Даже с учетом *признания* параллелизма *объективного и субъективного* предлагаемое решение скорее является не *снятием*, а *подчинением* — в любом случае почти никаких уступок *духовному* элементу со стороны *материального* здесь нет.

Вводя запрет на прямое подчинение первого второму, Милоков на деле все же делает это, признавая универсальными принципы объяснения (детерминизм), принятые в естественных науках. Конечно, он учитывает, что «явления человеческой экономики происходят в той же психической среде, как и все другие явления общественности» [4, т. 2, ч. 2, с. 10], однако дальше этого дело не идет — утверждая необходимость свести *материальное* и *психическое* к высшему единству, Милоков так и не дает четкой характеристики этого единства, лишь *подразумевая* его. Отсюда берется и противоречие между признанием монистического характера собственной системы и элементами дуализма, отраженными самой структурой «Очерков»: поскольку убедительного синтеза *психического* и *материального* достигнуто не было, мы имеем дело с попеременной актуализацией при общем доминировании материальных факторов. Вопрос о соотношении духовной и материальной культуры рассматривается русским историком в контексте проблемы соотношения духа и материи, в попытках придать духовной культуре исключительное значение он видит продолжение старых метафизических спекуляций. Отказ от метафизики ведет Милокова к «протесту против метафизической свободы «личности»», признанию свободной воли *этической фикцией* [4, т. 2, ч. 2, с. 10–11]. Определенное своеобразие позитивистским настроениям Милокова придает отказ от идеи всемирной истории — для него единицей научного наблюдения становится «отдельный социальный (национальный) организм» [4, т. 1, с. 43]. Он отрицает тезис, который в исторической науке позитивистского толка довольно распространен. Но эта критика должна поправить, а не опровергнуть классиков научной социологии. Идея всемирной истории оспаривается им именно потому, что не вполне соответствует его пониманию позитивизма: Милоков указывает, что в своем происхождении данный принцип напрямую связан с идеей божественного промысла, управляющего жизнью человека. И даже освободившись от власти религии, идея всемирной истории сохранила пороки, присущие ей по рождению⁵. Таким образом, представление о национальном организме как высшем возможном субъекте исторического процесса призвано очистить историческую науку от произвольных метафизических конструкций и допущений метаисторического характера.

Этот ярко выраженный позитивистский характер предлагаемой Милоковым органической модели проявляется и в отказе признать *национальные организмы неподвижными, неизменными типами*, и в том, что задачей науки объявляется не только изучение эволюции *каждого отдельного организма*, но и поиск аналогий с *эволюцией других организмов* [4, т. 1, с. 47]. Исходя из позиции, что объяснить что-то можно лишь разложив это на элементы, Милоков категорически против признания культурных образований едиными и неделимыми — для него их онтологизация есть метафизический и теологический пережиток. Он разделяет убеждение в том, что культурные

³ Кизеветтер пишет: «Милоков своими «Очерками» бросал прямой вызов... марксистскому шаблону. Он исходил из теории взаимозависимости всех сторон исторического процесса. Если экономика влияет на общественный строй и общественную идеологию, то и обратно — то и другое влияет на экономику» [3, с. 52].

⁴ Милоков, как и большинство позитивистов, иронизирует по поводу диалектики и ее категорий. История «не сводится к чередованию "тезиса, антитезиса и синтеза", как того требует "диалектический" метод Гегеля — Маркса. «Игра всемирного духа» в эту диалектику есть просто игра собственного воображения г.г. философов» [4, т. 1, с. 48]. Заметим, что в подобном духе о диалектике высказывались и другие авторы, также испытавшие определенное влияние позитивизма (например, Вишпер).

⁵ Милоков отмечает, что и у Вольтера, и у Гердера, и у Гегеля философия истории «не имела ничего общего с наукой и, напротив, [имела] очень много общего с теологической идеей "плана", наложенного на человеческие события свыше». Еще одним недостатком идеи всемирной истории становится «произвольность выделения одной только определенной группы народов, призванных составить цепь прогресса, и устранение из схемы всего остального человечества, за исключением обитателей Европы и Передней Азии» [4, т. 1, с. 44].

типы не следует отождествлять с идеальными и неизменными сущностями по образцу платоновских идей. Именно поэтому ему кажется неубедительной свойственная идеалистам манера объяснения, согласно которой обоснование конкретной истории требует выхода за ее пределы. С его точки зрения, верная принципам позитивизма историческая наука «выделяет общие черты эволюции национальных организмов в закономерные социологические ряды и старается определить взаимную зависимость между этими рядами» [4, т. 1, с. 49]. Реализация этих принципов на практике, согласно Миллюкову, приводит к тому, что мы находим в истории разных народов как сходства, так и различия. Для решения проблемы единства и многообразия культур русский историк предлагает следующую схему: за появление общего в истории различных культур ответственны некие универсальные закономерности эволюции культурных организмов, однако их влияние всегда ограничивается действием окружающей среды, обуславливающей уникальность истории каждого отдельного народа⁶.

Таким образом, у Миллюкова история предельно рационализируется, поскольку научному объяснению подлежит не только подчиненное закономерностям содержание истории, но и то, что в эти закономерности не укладывается. Там, где оппоненты склонны были видеть разрывы жестких причинных цепей и торжество иррационализма, Миллюков просто обнаруживает действие еще одного вполне рационального фактора. Однако именно эта уверенность в предельно закономерном ходе истории является, как и положено теориям позитивистского толка, во многом произвольной. Даже когда в истории на деле никакого прогресса не обнаруживается, Миллюков не сомневается в том, что искомая позитивная тенденция все же существует: для него «под влиянием... географических, климатических, почвенных, биогеографических условий, а также и переданных по наследству особенностей... человеческого общества действительный ход исторического процесса может разнообразиться до бесконечности, вплоть до полного парализования сходной внутренней тенденции» [4, т. 1, с. 53].

Конечно, Миллюков как историк чувствует, что подобная схема слишком примитивна и реальный облик социального явления «еще не дорисовывается совместным действием обоих указанных факторов — основной социологической тенденции и среды»: подобный подход хорошо работает для трактовки *эволюции социального порядка* (учреждения и нравы), но не в состоянии объяснить *конкретные исторические события* [4, т. 1, с. 54]. Однако в свете этого признания никакого пересмотра собственных методологических установок не происходит — видимо, потому, что для ученого неэффективность собственного метода в объяснении конкретных деяний исторических лиц искупается возможностью построения внутренне связанной и цельной обобщенно-социологической картины исторического процесса⁷.

Именно потому в завершение изложения своего философско-методологического кредо Миллюков не столько доказывает, сколько уповает: «...социология не может отрицать возможности научного (т.е. закономерного) объяснения исторической роли личности, хотя бы практически осуществление этой возможности и представлялось чрезвычайно трудным» [4, т. 1, с. 55]. Укажем, что причиной этих *чрезвычайных трудностей* является исповедуемое Миллюковым понимание истории, в котором научное существует только в форме закономерного. Дело в том, что сама история зачастую препятствует принятию ученым собственного же тезиса об абсолютной рациональности исторического процесса: признавая, что в истории, подчиняясь объективным социальным закономерностям, «личность в роли признанного вождя или наследственного властителя призвана выражать очередную тенденцию времени», сам Миллюков отказывается, к примеру, большевикам в праве стать такими выразителями духа эпохи, для него октябрьская революция — лишь длительное отклонение «от линии основного процесса под влиянием произвола лица или доктрины» [4, т. 1, с. 56—57].

⁶ Довольно точно позицию Миллюкова в этом вопросе обрисовал его современник — историк-эмигрант Мякотин: к заслугам русского ученого он относит то, что, отказавшись объяснять явления русской истории национальными особенностями русского народа, он, наоборот, показал, что «эти национальные особенности были созданы условиями русского исторического процесса» [5, с. 40].

⁷ Обедняющая картину схематичность и избирательность некоторых социологических обобщений Миллюкова очевидна. По этому поводу достаточно точно высказался Бицилли: «То, что Миллюков говорит о русской интеллигенции, неприменимо ко *всем* ее представителям, а главное — к величайшим из *них*» [1, с. 87]. Причина этого в том, что история, понимаемая как конкретная социология, «должна изучать преимущественно такие явления, к которым приложимы мера и числа, которые можно сопоставить так, чтобы выяснилась их взаимозависимость и чтобы таким образом обнаружилась закономерность исторического процесса <...> Другими словами, предмет исторической науки — массовые явления» [1, с. 89]. Миллюков предает забвению идею, согласно которой историческая наука должна считаться *со всеми* факторами, что она призвана исследовать.

И хотя в данном случае, считает ученый, возможно в истории вопроса найти факторы, «раздувшие малую причину в большой результат», сама процедура выяснения — является ли деятельность той или иной личности закономерной — несколько отличается от исповедуемых самим Милоковым принципов научности⁸. Он сам говорит о том, что совершенный им выбор фактов служит одной вполне конкретной цели — «оставить в стороне случайный, а отчасти и индивидуальный характер исторических событий» [4, т. 1, с. 57]. В итоге, декларируя право отбирать материал в соответствии с целями исследования, он оставляет нас перед вопросом о существовании исторического познания: является ли стремление избавиться от всего случайного насущным требованием истории или частным пожеланием историка? Здесь присутствует определенная двойственность, появление которой можно отчасти объяснить упомянутым влиянием на воспитанного в духе позитивизма Милокова работ Канта и неокантианцев, обративших особое внимание на роль познающего субъекта в процессе познания⁹.

Сказанным выше определяется структура «Очерков», которая сводится к планомерному освещению различных аспектов культуры («социологических рядов») по мере их внутренней эволюции от *стихийности* к *сознательности*: Милоков начинает с детальной характеристики природной среды, обозначает ее влияние на *первоначальное культурное развитие* и уже после этого переходит к рассмотрению *экономики, социального и государственного строя, духовной культуры*. Третий том посвящен анализу *идейной и идеологической* (по Милокову — «общественно-волевой») стороны культурного процесса. Такая структура позволяет автору «Очерков» расставить принципиальные для него акценты, отстоять теорию прогресса и показать, что уникальность национальных историй не исключает их единообразия¹⁰.

Полемика Милокова с евразийством интересна именно тем, что, одинаково высоко оценивая влияние географической среды на ход истории¹¹, оппоненты приходят к принципиально различным выводам: оказывается, что сходные методологические принципы могут служить обоснованию отрицающих друг друга историко-философских схем¹². Заимствуя у евразийцев слово *месторазвитие*, Милоков пытается, «удержав удачный термин», возродить «научное употребление понятия географической среды» — дело, в котором сами евразийцы, несмотря на весь шум, вовсе не преуспели: у них эта плодотворная идея, «с одной стороны, осталась неразработанной, а с другой — повела к искусственным и часто фантастическим выводам» [4, т. 1, с. 62].

Выводы не фантастические, а *научные*, по мнению русского историка, заключаются в том, что анализ месторазвития русской культуры позволяет обнаружить в нем «не только элементы азиатского своеобразия, но и еще более несомненные элементы сходства с европейской средой»; кроме того, единство евразийского мира для Милокова оказывается иллюзией — на деле он распадается на несколько месторазвитий, заметно отличающихся друг от друга [4, т. 1, с. 62].

---

⁸ Во всяком случае, сложно не заметить, что противопоставление закономерных исторических событий случайным не может быть выполнено только в рамках позитивизма, для которого высшей инстанцией является факт — если *действительное* есть выражение *закономерности*, то оно не нуждается ни в каких дополнительных обоснованиях. Выделение среди *ставшего* более или менее закономерного требует введения ценностного подхода к историческому материалу, и Милоков идет на это, руководствуясь соображениями — и теоретическими, и практическими: с одной стороны, он не может игнорировать те результаты, к которым пришли Зиммель, Виндельбанд, Риккерт (об этом влиянии вскользь упоминает он сам [4, т. 1, с. 40]). С другой — к моменту переиздания первой части его очерков (1937 г.) для него события февраля по-прежнему закономерны, а октябрь — случаен, несмотря на двадцатилетнюю историю советского режима и отсутствие зримых проявлений его слабости.

⁹ Однако считать это влияние слишком глубоким оснований у нас нет: конечно, Милоков понимает, что интерес к общему — это особенность его исследовательской установки. Но в то же время он исходит из того, что в самой истории этой установке что-то соответствует. Так, характеризуя перспективы советского режима, он туманно заключает: «...отпадет *случайное* в историческом процессе; *неслучайное* останется» [4, т. 2, ч. 2, с. 463].

¹⁰ Эту двойственность подметил и Бицилли, для которого концепция Милокова — «не простое отрицание традиционных концепций русской исторической науки, "западнической" и "славянофильской"... Это преодоление обеих теорий в некотором их синтезе. Милоков приемлет обе характеристики русского исторического процесса: от западников он воспринял идею его *элементарности*, от славянофилов — идею его *своеобразия*» [1, с. 83].

¹¹ Ближе всего в этом вопросе Милоков к Савицкому — евразийцу, в творчестве которого позитивистские тенденции доминируют.

¹² Интересно и то, что идейное единство евразийской доктрины создавалось многообразием философски крайне неоднородного материала.

Отмеченное единство в исходных принципах и противоречие в выводах свидетельствуют скорее всего о том, что выводы создаются не только наукой, но и идеологией, политическими предпочтениями самого автора. Ценностные установки пронизывают мироощущение Милокова, заставляя его своеобразно и отбирать, и интерпретировать факты, наталкивая его иногда на довольно странные выводы. К примеру, укажем на небольшой фрагмент, где Милоков называет целью своего исследования не только выявление своеобразия русской культуры, но и поиск элементов «общности России с более счастливыми в культурном отношении странами» [4, т. 3, с. 4]. Даже с учетом контекста этого высказывания («Европеизм... не есть начало, чуждое русской жизни... но собственная стихия, одно из основных начал, на которых эта жизнь развивается») указание на *более счастливые в культурном отношении страны* относится не к сфере фактов, а оценок, причем довольно произвольных.

Таким же произволом по отношению к собственным принципам, по нашему мнению, является и утверждение Милокова, что история пореволюционной России не только не опровергает исторического оптимизма, но и довольно странным образом его поддерживает¹³. Внутренне обоснованная у сменовеховцев и евразийцев подобная тенденция у либеральной публики в первую очередь свидетельствует о так и не разрешенном противоречии между сформировавшимися еще до революции позитивистскими идейно-философскими установками и опытом реальной истории.

Видимо, в этом заключается особенность позиции Милокова — одного из классиков русской исторической науки, бесспорно талантливого, тонко чувствовавшего исторический материал. Однако, как он ни пытался изобразить объективность и беспристрастность, противопоставляя себя народникам и марксистам, философски его мировоззрение несет на себе тот же отпечаток эпохи.

Список литературы

1. Бицилли П. М. Философия русской истории в трудах П. Н. Милокова // П. Н. Милоков: сб. матер. по чествованию его семидесятилетия (1859–1929). Париж, 1929. С. 81–91.
2. Вернадский Г. В. П. Н. Милоков и месторазвитие русского народа // Новый журнал. 1964. Кн. 77. С. 254–289.
3. Кизеветтер А. А. О П. Н. Милокове-историке // П. Н. Милоков: сб. матер. по чествованию его семидесятилетия (1859–1929). Париж, 1929. С. 49–54.
4. Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М., 1993–1995.
5. Мякотин В. А. П. Н. Милоков как историк // П. Н. Милоков: сб. матер. по чествованию его семидесятилетия (1859–1929). Париж, 1929. С. 39–47.
6. Одинец Д. М. П. Н. Милоков в русской исторической науке // Там же. С. 55–68.
7. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994.

Об авторе

В. И. Повилайтис — канд. филос. наук, доц., РГУ им. И. Канта, e-mail: povilaitis@mail.ru

Author

Dr. V. J. Povilaitis, Associate Professor, IKSUR, e-mail: povilaitis@mail.ru

¹³ В литературе отмечено, что это противоречие свойственно русским позитивистам в эмиграции в целом [7, с. 208–209].